
Стелла
Эмеральд
Друг
детства

Стелла Эмеральд

Друг детства

«Автор»
2026

Эмеральд С.

Друг детства / С. Эмеральд — «Автор», 2026

Я собиралась встретить Новый год в шумной компании друзей, но снежная дорога привела меня в деревню, где прошло моё детство, и где я много лет уже не была. Когда-то там жида моя бабушка, но вот уже двенадцать лет в её доме не встречают гостей. И могла ли я подумать, что встречу Сашку — соседского мальчишку, с которым мы когда-то были неразлучны. Только теперь он совсем взрослый, и рядом с ним у меня отчаянно бьётся сердце.Мы оба оказались здесь случайно. Или же у судьбы были свои планы на этот Новый год.

© Эмеральд С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Стелла Эмеральд
Друг детства

Глава 1

До деревни, в которой я собиралась встретить Новый год, мы так и не доехали. Зато приехали в ту, о которой я почти двенадцать лет старалась не думать.

Началось всё с Лизкиного приглашения. Ещё в середине декабря она объявила, что последний студенческий Новый год мы обязаны провести так, чтобы потом было стыдно рассказывать детям и приятно вспоминать самим. Под это заманчивое обещание её родители выделили нам загородный дом, восемь человек скинулись на продукты, а я купила красное платье, которое теперь лежало на дне сумки и совершенно не вязалось с происходящим. Впрочем, ещё утром тридцатого декабря всё шло прекрасно. Мы с Лизкой сдали последний зачёт, загрузили в машину её брата пакеты, две сумки и коробку с тортом и выехали из города. Остальные должны были подтянуться к вечеру. Я сидела сзади, придерживала торт на поворотах и думала о том, что впервые за несколько месяцев могу никуда не торопиться.

А дальше начался нежданчик. Сначала навигатор увёл нас с дороги из-за аварии на основной трассе. Вежливо так и механически предложил объезд. Потом, когда закончилась нормальная асфальтированная и расчищенная от снега дорога, а по обе стороны от нашей машины выросли заснеженные ели, бодро сообщил, что до места назначения осталось сорок семь минут.

— Он нас через лес ведёт, — заметила я, вглядываясь в экран между передними сиденьями. — Лиз, может, всё-таки вернёмся?

— Здесь нормальная дорога, летом ездили, — отозвался её брат Антон. — Через Бережки выскочим на трассу. Сейчас главное — не останавливаться.

Название я услышала, но не сразу сообразила. Слишком неожиданно оно прозвучало среди Лизкиных голосовых сообщений, шелеста пакетов и музыки. Бережки… Я повторила его про себя, посмотрела в окно и вдруг узнала поворот, хотя узнавать там было почти нечего: тёмный лес, белые обочины, косой снег в свете фар. Когда-то на этом месте стояла сосна с раздвоенным стволом. Мы с бабушкой называли её рогатой и всегда кивали ей, когда ехали мимо на старом автобусе. Сосна стояла и теперь. Только одна её верхушка была обломана.

— Я здесь была, — сказала я, подавшись вперёд. — У меня бабушка в Бережках жила.

— Правда? — Лизка обернулась и улыбнулась. — Ну вот, хоть один человек знает, куда мы едем. А то я уже думаю, что нас заманивают в лес, чтобы съесть.

Я тоже улыбнулась, но ответить не успела. Машину качнуло, снизу раздался короткий неприятный скрежет. Антон выругался, сбросил скорость, и ещё через несколько метров мы остановились. Музыка продолжала играть, дворники торопливо сгребали снег, а он сидел, вцепившись в руль, и смотрел перед собой с таким выражением на лице, что спрашивать, всё ли в порядке, как-то расхотелось.

В порядке было далеко не всё. Пока Антон ползал возле машины с фонариком, выяснял что-то по телефону и снова ругался, я выбралась наружу. Ветер сразу полез под воротник пуховика. Снег бил в лицо, цеплялся за ресницы, а за стеной белой крупы виднелись первые деревенские дома. Один из них я узнала по высокому крыльцу. Летом под ним лежал рыжий пёс, которого я боялась первые два дня, а потом кормила украдкой бабушкиными котлетами. Теперь у крыльца стоял снегоход. Пса, конечно, уже не было.

Минут через двадцать из этого дома вышел мужчина в ватнике, помог Антону вытолкнуть машину к обочине и забрал нас всех к себе. Его жена поставила чайник, подвинула к батарее нашу мокрую обувь и, даже не спросив, хотим ли мы есть, принялась разогревать суп.

На кухне пахло жареным луком и хлебом. За окном быстро темнело, хотя было едва половина четвёртого, а над столом тикали часы с нарисованными на циферблате подсолнухами.

— Ты чья будешь? — спросила хозяйка, прищурившись на меня поверх очков. — Что-то лицо знакомое.

— Нина Павловна была моя бабушка, — ответила я. — На Садовой жила. Я к ней летом приезжала.

Женщина замерла с половником в руке, а потом всплеснула радостно всплеснула руками.

— Маринка?! Господи, да ты же совсем взрослая! А я гляжу — вроде наша, а узнать не могу. Ты меня-то помнишь? Тётя Валя я. У меня ещё коза была, ты всё просила её погладить.

Козу я помнила прекрасно. Она как раз не давала себя гладить и однажды съела завязку от моей панамы. Саму тётю Валю пришлось узнавать заново. В памяти она осталась большой, громкой, с чёрной косой, которую носила вокруг головы. Теперь волосы у неё были короткие и седые, но голос не изменился. Даже странно стало: я успела вырасти, поступить в университет, почти его закончить, а она всё так же говорила «Маринка», словно я вчера убежала от неё, зажав в ладони тёплое варёное яйцо.

— Двадцать два уже, — сказала я, почему-то смутившись. — На последнем курсе учусь.

— Ну надо же… А мама как? Здорова? Дом-то ваш стоит. Мы с Виктором приглядываем, насколько можем. Он осенью доску на крыльце менял, совсем трухлявая стала. Я матери твоей звонила, говорила.

Мама про доску мне не рассказывала. Мы вообще редко говорили о бабушкином доме. После её смерти мама собиралась его продать, но то покупатели не находились, то ей самой становилось жалко. Потом выяснилось, что продать старый дом в деревне, где зимой оставалось меньше двадцати жителей, не так-то просто. Дом сохранился в нашей жизни строчкой в квитанциях и маминым вечным «надо будет как-нибудь съездить». Мы так и не съездили.

Телефон Антона ожил на краю стола. Он выслушал ответ, закрыл глаза и потёр переносицу.

— Эвакуатор будет только завтра. И то если дорогу расчистят.

— А сегодня что? — посмотрела на брата Лизка, сразу перестав улыбаться.

— А сегодня ничего, — развёл он руками. — На трассе опять перекрыли участок, там фура поперёк встала. Со стороны района тоже уже не пробиться. Нам велели ровно сидеть на попе.

Тётя Валя спокойно поставила перед ним тарелку.

— Вот и сидите. Наверху две комнаты пустые, постель дам. В такую погоду чего метаться? К утру, может, и пурга стихнет.

Лизка посмотрела на меня. В её взгляде было столько виноватого отчаяния, будто снег выпал по её личному распоряжению. Я пожала плечами и взяла ложку. Пока мы были в тепле, при еде и даже с целым тортом, катастрофа казалась довольно скромной. Родителям я написала, что мы застряли по дороге, но всё хорошо. Мама тут же позвонила, и на слове «Бережки» замолчала так надолго, что я проверила, не пропала ли связь.

— Только в дом не ходи, Марин, — попросила она наконец. — Там холодно, печь столько лет не топили. Переночуете у Валентины Ивановны, а завтра вас заберут.

— Я просто посмотрю, мам, на дом. С улицы.

— Ну какая улица?! Уже темнеет.

— Да здесь же два шага.

Она вздохнула, и я услышала на заднем плане телевизор. Мама была у своей сестры, в другом городе, куда уехала на праздники ещё вчера. Наверное, сидела сейчас на диване с чашкой чая и представляла наш дом таким, каким мы оставили его после похорон бабушки. Я тоже почему-то представляла его летним. С распахнутыми окнами, полосатой дорожкой в сенях и большой жестяной миской клубники на столе.

— Ключ у Валентины Ивановны, — сказала мама. — Если всё-таки пойдёшь, позвони мне потом.

После супа Лизка с Антоном поднялись наверх звонить родителям и спасать праздник хотя бы по телефону. Я надела пуховик, а тётя Валя достала из кухонного шкафчика связку ключей. Бабушкин сразу узнался: большой, потемневший, с круглым отверстием в головке. К нему всё ещё была привязана выцветшая красная ленточка.

— Калитку замело поди, зайдёшь сбоку, там штакетина снята, — объяснила она, отдавая мне ключ. — Только осторожно. И долго не стой на одном месте, замёрзнешь. У вас там света нет, Виктор осенью автоматы выключил. Фонарик дать?

— У меня в телефоне есть.

— Телефон побереги. Вот, возьми, — сунула она мне небольшой фонарь, поправила на моём плече воротник, как делала когда-то бабушка, и отвернулась к плите. Я вышла прежде, чем она успела заметить, что у меня дрогнули губы.

На улице снег шёл уже медленнее, зато ветер сделался сильнее. Он гнал по дороге белые струйки, швырял их в заборы и свистел в проводах. Я помнила эту улицу широкой, почти бесконечной. В детстве путь от бабушки до магазина казался целым путешествием: мимо колодца, мимо дома с синими наличниками, мимо палисадника, в котором росли самые высокие в мире георгины. Теперь до поворота я дошла за три минуты. Колодец стоял на месте, только вместо ведра на цепи у него появилась глухая крышка. Дом с синими наличниками был тёмным, а в бывшем палисаднике торчали из снега тонкие яблоневые ветви.

У нашего забора я остановилась. Дом показался мне таким маленьким. Совсем не таким, в каком я жила три самых счастливых лета подряд. Низкая крыша, два окна на улицу, крыльцо сбоку. Краска на наличниках облупилась, сирень разрослась так, что закрывала половину стены, а у калитки лежал сугроб чуть ли не выше меня. На мгновение мне стало обидно — за дом, за бабушку и за себя, потому что я ждала чего-то другого. Хотя чего именно, не смогла бы объяснить. Наверное, что сейчас откроется дверь и бабушка скажет: «Ну что стоишь? Иди, руки мой. Картошка стынет».

Я отыскала проход в заборе, протиснулась боком и сразу провалилась в снег почти по колено. Снег сразу же набился в сапоги. Добираясь до крыльца, я успела пожалеть и о своём любопытстве, и о том, что не взяла у тёти Вали лопату. Перед ступеньками намело особенно много. Я посветила фонарём, нашла под белой шапкой край нижней ступени и попыталась сгрести снег ногой.

— Таким способом до весны не управишься, — раздался за спиной чей-то голос.

Глава 2

Я резко обернулась, едва не выронив фонарь. У пролома в заборе стоял мужчина с лопатой наперевес. Свет фонаря выхватил тёмную куртку, вязаную шапку, припорошенные снегом плечи и нижнюю половину лица. Глаза незнакомец прикрыл ладонью.

— Убери фонарь, пожалуйста. Я пришёл с миром, — смешливо попросил он.

— А вы кто? — уточнила я, опуская пучок света к его ботинкам.

— А ты?

— Я здесь… Это мой дом!

Он помолчал секунду, а потом шагнул ближе. Снег под его ногами хрустел, и я почему-то очень отчётливо слышала этот звук.

— Маринка? — прозвучало в его голосе плохо скрытое недоверие.

Вот уже второй раз за день меня называли так, но сейчас всё было иначе. В этом голосе я что-то узнала раньше, чем смогла разглядеть лицо. Осторожно посветила ему в лицо и увидела прямой нос, обветренные губы, тёмные брови… Мужчина смотрел на меня с недоверчивой улыбкой. Он был высоким, гораздо выше меня, и совершенно не походил на мальчишку, которого я вдруг вспомнила: худенького, загорелого, с вечно разбитой коленкой и торчащими ушами.

— Сашка? — выдохнула я. — Это ты?

— С утра был я, — ответил он и улыбнулся шире. — А ты всё так же гостей встречаешь. Сначала допрос, потом, если повезёт, пускаешь в дом.

— Я тебя не узнала!

— Я заметил. Дай-ка сюда свет, — забрал он у меня фонарь и положил его на перила так, чтобы луч освещал крыльцо.

Молча он принялся работать лопатой. Двигался быстро, легко, словно всю жизнь только этим и занимался. Я стояла рядом, явно мешала ему и никак не могла осознать, что этот взрослый мужчина и есть Сашка из дома напротив. Тот Сашка умел свистеть через два пальца, нырять с мостков и врать бабушкам с таким честным лицом, что верила даже я. Однажды мы целое утро искали мой сандалий, который он сам же и утопил, когда учил меня переходить ручей по камням. Потом он принёс мне свои кеды. Огромные, пыльные, с какой-то надписью на резиновом носке.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Снег убираю, — ответил он, но, встретившись со мной взглядом, перестал улыбаться. — За бабушкиными вещами приехал. Она сейчас у отца, в городе. Осенью ногу сломала, одну здесь оставлять нельзя было.

— Это баба Зоя?

— Она самая. Собирался забрать сумку и завтра утром уехать. Только сумок оказалось три, ещё кот, цветы и банка огурцов, без которой Новый год, видимо, не наступит. А теперь вот дорогу закрыли.

— Значит, ты тоже застрял? — улыбнулась я.

— Похоже на то. Вообще, меня здесь сегодня быть не должно. За вещами отец собирался, но у него смену перенесли. А я… — Он воткнул лопату в снег и коротко усмехнулся. — У меня неожиданно освободились праздники.

Я ждала, что он пояснит, но Саша снова взялся за лопату. На левой руке, когда он поправлял перчатку, мелькнул белый пластырь у основания большого пальца. На улице напротив горело одно окно. Тёплый свет ложился на снег, и в нём я заметила следы от машины, почти уже заметённые. Значит, он приехал совсем недавно.

— А ты? — спросил он. — Надолго?..

Я рассказала про Лизку, чужой загородный дом, навигатор и нашу машину. Саша слушал, иногда поглядывая на меня, и за это время успел расчистить ступеньки и небольшой пятачок перед ними. Когда я закончила, он отступил, пропуская меня к двери.

— Вот тебе и съездила на праздник. Ключ есть?

Я показала связку. Замок не хотел поворачиваться, и Саша, не забирая ключа, накрыл мою руку своей перчаткой и чуть приподнял дверь за ручку.

— Теперь пробуй.

Внутри что-то щёлкнуло. Дверь подалась, из сеней пахнуло застоявшимся холодом, пылью и старым деревом. Я переступила порог и сразу остановилась. Фонарик скользнул по стене, по пустым крючкам, по маленькому зеркалу, висевшему слишком низко для взрослого человека. Под ним стояла та самая скамейка, на которой бабушка разувала меня, когда я возвращалась с улицы грязная с головы до ног.

— Марин, подожди, — сказал Саша за спиной. — Я первым зайду. Мало ли что тут с полом.

Я пропустила его вперёд, а сама осталась в сенях, прижимая к груди связку ключей. Он осторожно прошёл в комнату, посветил под ноги, потом по углам. Пол выдержал. Дом тоже. Ничего не рухнуло, не скрипнуло угрожающе, только дверь в комнату задела край свёрнутой дорожки.

— Можно, — крикнул он из комнаты.

Я вошла и увидела бабушкин стол. Он стоял у окна, накрытый клеёнкой с зелёными яблоками. Мама, видимо, так и оставила её, когда мы уезжали. Стулья были придвинуты к стене, на диване лежало покрывало, а на серванте сидел фарфоровый заяц с одним обломанным ухом. Я помнила, как отломила это ухо и спрятала осколок под ковёр. Бабушка нашла его в тот же день, но ругать меня не стала. Только сказала, что теперь наш заяц будет особенно хорошо слышать оставшимся ухом, поэтому врать при нём бесполезно.

Я протянула руку, коснулась холодной клеёнки и почувствовала, как сжалось горло. На похоронах я почти не плакала. Все вокруг были взрослыми, занятыми, говорили шёпотом, передавали друг другу тарелки, а мне всё время хотелось спросить, когда можно будет пойти к Сашке. За этот вопрос я потом долго себя ненавидела. Мне было десять, и я ещё не понимала, что никто уже не позовёт меня вечером домой, не станет вычёсывать репей из волос и прятать для меня самые крупные ягоды под мелкими, чтобы дедов сосед не съел их, заглянув на чай.

— Заяц живой, — сказала я зачем-то.

Саша посветил на сервант.

— Ага. И без уха.

— Ты помнишь?

— Ты мне тогда говорила, что он с полки сам прыгнул.

Я засмеялась и тут же зажала рот ладонью. Смех вышел рваным и некрасивым. Саша отвёл фонарь, чтобы свет не падал мне в лицо, и некоторое время молчал. Я была ему за это благодарна. Сейчас любое сочувственное слово заставило бы меня разреветься окончательно.

— Я думала, здесь уже всё чужое, — произнесла я, когда смогла говорить ровно. — Или ничего не осталось. А тут даже клеёнка…

— Валентина Ивановна летом открывает дом, проветривает. Бабушка тоже заходила, пока могла. Они ведь дружили с твоей.

Я кивнула. Конечно, дружили. Баба Зоя приносила нам молоко, моя бабушка ходила к ней помогать солить капусту. Мы с Сашкой в это время сидели под столом и таскали морковь. По отдельности нас ещё можно было заставить вести себя прилично. Вместе — почти никогда.

Холод начал пробираться под пуховик. Пальцы, которыми я держала ключи, онемели. Саша заметил, что я переминаюсь с ноги на ногу, и направил фонарь на дверь.

— Пойдём. На сегодня хватит.

Я ещё раз оглядела комнату. В тёмном окне отражались две фигуры: моя, маленькая и круглая в пуховике, и его — высокая, с фонарём в руке. Когда-то мы так же стояли здесь рядом и смотрели, как бабушка режет арбуз. Саша ждал, пока я выберу самый сочный кусок, хотя всегда делал вид, что случайно пропустил свою очередь.

— Как думаешь, печь можно топить? — спросила я.

Он посмотрел на большую белую печь у дальней стены.

— Сначала проверить надо. Трубу, кладку… Дядя Витя в этом разбирается, попрошу его завтра посмотреть.

— Я бы хотела здесь побыть. Если мы всё равно застряли.

— Побудешь, — кивнул Саша. — Только после того, как прогреем дом. Сегодня к Валентине Ивановне возвращайся.

— Уже распоряжаешься? — усмехнулась я.

— Пока вежливо предлагаю, — одарил он меня ответной улыбкой. — Но ты носа уже своего не чувствуешь, а споришь. Прямо как в детстве.

Я машинально дотронулась до носа, и Сашка тихо рассмеялся. Не так, как раньше, во весь голос, с мальчишеским торжеством от удачной шутки. Смех его сейчас прозвучал сдержанно и немного устало. Но всё равно знакомо.

Мы вышли на улицу, заперли дверь, и Саша подождал, пока я уберу ключи в карман. На обратном пути он шёл рядом, не торопя меня, а возле колодца подал руку: под свежим снегом оказалась наледь. Я взялась за его ладонь и только через несколько шагов поняла, что мы уже вышли на ровную дорогу, но он меня так и не отпустил. Или я его. Разбираться в этом почему-то не захотелось.

— Ты тогда уехала, я даже не знал, — сказал он, глядя вперёд. — Мы с дедом на два дня ездили в район. Вернулись, а ваш дом закрыт.

— Мама не хотела тут оставаться. Ей тяжело было, — вспомнила я.

— Я понимаю. Просто… Я тебе кое-что принёс тогда. А вас уже нет.

— Что? — посмотрела я на него.

Он повернул голову, и снег пара снежинок упала ему на ресницы. Я вдруг заметила, что глаза у него серые. В детстве я знала про него всё: какой камень дальше полетит, где он прячет удочку, чего боится и как злится… А какого цвета у него глаза, мне тогда было совершенно неинтересно.

— Теперь уже неважно, — ответил он. — Если найду, покажу.

У тёти Валиного дома Саша отпустил мою руку. В окне кухни мелькнула Лизка, помахала мне и сразу куда-то исчезла. За дверью было тепло, пахло супом, мокрой шерстью и нашим тортом, который, судя по всему, уже перестал ждать Нового года.

— Завтра зайду, — сказал Саша. — После завтрака. Посмотрим, что с печью.

— Спасибо. За крыльцо тоже.

— Пожалуйста, Маринка.

Он развернулся и пошёл обратно, засунув свободную руку в карман. Лопату нёс на плече. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся за густой полосой снега, и почему-то вспомнила, как в последнее наше лето он перестал бегать впереди и всё чаще ходил рядом. Тогда меня это ужасно раздражало. Я думала, он специально плетётся, чтобы не играть со мной в догонялки.

Тётя Валя открыла дверь прежде, чем я успела взяться за ручку.

— Ну, посмотрела? Заходи скорее, выстудишь сени. Антон сейчас говорил с дорожниками. До завтра к вечеру, говорят, точно ничего не расчистят, а там как погода даст. Может, и Новый год у нас встречать будете.

Я поднялась на крыльцо, отряхнула сапоги и оглянулась на улицу. За колодцем снова мелькнул свет — Саша открыл калитку своего дома. На несколько секунд в снежной темноте обозначились его плечи, поднятая лопата, знакомый наклон головы. Потом дверь закрылась.

— Может, и будем, — отозвалась я, входя в тепло.

И впервые за этот день мне совсем не захотелось проверять, сколько теперь осталось до нашего загородного дома.

Глава 3

В сенях я долго возилась с молнией на пуховике. Пальцы никак не хотели слушаться, щеки горели, а в правом сапоге активно таял снег. Тётя Валя посмотрела на мои мучения, молча отодвинула меня от двери и сама расстегнула куртку, словно я всё ещё была той девочкой, которую приходилось раздевать после прогулки. Потом велела снять носки и выдала шерстяные — толстые, серые, с тугими резинками. В таких бабушка разрешала ходить по дому без тапочек, хотя сама всегда приговаривала, что от холодного пола все болезни.

— У батареи посиди, — распорядилась тётя Валя, забирая мои сапоги. — Сейчас чаю налью. Сашку встретила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.